

Федюнёва Галина Валерьяновна,
доктор филол. н.,
гл. н. с. Института языка,
литературы и истории ФИЦ
Коми НЦ УрО РАН.
fedyuneva@yandex.ru

**Диалектное слово *беспелоха* «неряха, неумёха»
в контексте исторических контактов на русском Севере***

Аннотация. В статье рассматривается русское диалектное слово *беспелоха* «неряха, неумёха», которое, по мнению автора, является субстратным вхождением в контактной зоне северо-восточных русских и исчезнувших в позднем средневековье коми-зырянских говоров, предположительно, в бассейне р. Пинеги. В качестве производящей основы рассматривается коми слово *пельк* «чистый, опрятный», которое было адаптированное как суффиксально-префиксальный дериват по аналогии с широко распространённым словом *беспоряха* «неряха, ленивая, неумелая женщина, нерадивая хозяйка». Дальнейшие семантические и словообразовательные трансформации объясняются продвижением слова с колонизационными потоками русских в бассейны Вятки и Камы, в формирующиеся вятские, пермские, среднеуральские говоры.

Ключевые слова: языковые контакты, субстрат, северно-русские говоры, коми язык, этимология.

Galina V. Fedyuneva,
Dr. of Science (Philology),
Chief researcher of Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS
fedyuneva@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № 8-6-6-30 «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и средневековье» / Программа комплексных фундаментальных исследований УрО РАН: 6. «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества».

Dialect word «беспелоха» (sloppy, clumsy) in the context of historical contacts in the Russian North

Summary. The paper discusses a Russian dialect word *беспелоха* «sloppy, clumsy», which, according to the author, is the substratum entry in the contact zone of the northeastern Russian and the disappeared in the Late Middle ages Komi-Zyryan dialects, presumably in the basin of the river Pinega. The Komi word *пельк* «clean, neat», which was adapted as a suffixal-prefixal derivate by analogy with the widespread word *беспоряха* «sloppy, lazy, inept woman, careless mistress», is considered as a producing basis. Further semantic and word-forming transformations are explained by the advancement of the word with the colonization flows of the Russians into the basins of Vyatka and Kama, into the emerging Vyatka, Permian, middle Ural dialects.

Key words: language contacts, substrate, North Russian dialects, the Komi language, etymology.

Как известно, на территории Европейского Севера России русские появились достаточно поздно и застали там, так называемое, «дорусское население» – различные группы финно-угорских народностей, расселение которых носило как компактный, так и дисперсный характер. Инфильтрация русских в среду аборигенного населения приводила к ассимиляции небольших этнических групп финно-угров, языки которых оставили свои следы в русских говорах. В их числе было и комиязычное население, говорившее на близкородственных говорах, но разбросанное на значительной территории от бассейнов Северной Двины, Сухоны и Юга до берегов Вычегды, Выми, Сысолы, Лузы, чуть позднее – Печоры, Вашки и Мезени (Жеребцов 1982: 25–42).

По данным археологов первые контакты коми с русскими произошли в XI – нач. XII вв. в низовьях Северной Двины и верхней Сухоны. По мере продвижения русских на северо-восток и в Предуралье контакты становились всё более тесными, в результате чего в современных архангельских, вологодских, вятских, пермских, соликамских и других русских говорах обнаруживается большой пласт лексики коми происхождения, напр., *бака* «древесная губка, трут», *гыч* «пескарь», *ельдаг* «вид гриба на засолку», *ёс* «рыбная мелочь», *желинка* «прут, колышек», *керас, керос* «холм, горка», *кулём, кулёма* «вид ловушки на

зверя», *ляпа* «небольшая рыбка», *чага* «трут», *шабур* «армяк» и т.д.

В работе Яло Калимы, положившей начало изучению коми лексических заимствований в северно-русских говорах, рассматривается около ста коми заимствований (Kalima 1927). Последующие исследования (Матвеев 1959; 1964; 1991; 1997; Мызников 2008; 2010; 2014; 2014а; Теуш 2002; 2007; 2011 и др.) показали, что этот список может быть значительно расширен. По мнению А. К. Матвеева, поиск коми заимствований в говорах русского Севера остаётся в числе актуальных проблем современного финно-угроведения. Особенно важны заимствования, зафиксированные в относительной удалённости от зон нынешнего и недавнего проживания коми, т.е. в районах, распространённых к западу от бассейна Мезени, низовий Вычегды и Вашки. Выявление такой лексики может стать дополнительным аргументом в спорах об освоении финно-уграми северных территорий, в том числе, о пермском субстрате в топонимии русского Севера (Матвеев 1997: 126).

Надо отметить, что выявленная к настоящему моменту лексика, как правило, хорошо поддаётся этимологизации средствами современного коми языка. Однако с учётом сложных процессов этно- и лингвогенеза финно-угров под доминирующим влиянием неродственного русского населения в говорах русского Севера должна сохраниться лексика, трудно поддающейся идентификации с точки зрения её этнической принадлежности. В условиях спонтанных контактов представителей небольших этнических групп, обладающих разной степенью двуязычия, в контактирующие языки могли проникать не только имена в номинативе, но и их грамматические формы, фонетико-морфологические варианты, нетривиальные дериваты, характерные только для исчезнувшего говора или утраченные материнским языком и т.д.

Надо также иметь в виду, что субстратная лексика, как правило, сохраняется длительное время благодаря тому, что полностью адаптируется, подвергается соответствующей фонетической, морфологической, деривационной и семантической нивелировке по общим правилам языка-реципиента. Большую роль при этом играет аналогия к имеющимся, близким по значению, словам. Поэтому весьма важно при этимологизации учитывать фактор контаминационного развития заимствованных лексем, особенно, субстратных вхождений, которые требуют тщательного анализа при идентификации.

С этих позиций далее будет рассмотрено северно-русское слово

БЕСПЕЛЮХА, по моей версии, являющееся примером контаминации финно-угорской и русской лексем.

Слово зарегистрировано в словаре А. Подвысоцкого (2006: 30) как арх. (насм.) «небрежная, неряшливая хозяйка», в словаре В. Даля как сев. «рохля, неряха, разиня, бестолковый, развисляй» (1:70), а также в современных словарях северно-русских говоров:

(АОС 2: 15): *Беспелюха, беспелюга* холм., прим., онеж. пин. (неодобр.): *ой, беспелюху-то бирёшь, не ткать, не прясть не умкйот; не будьте такие беспелюхи-то; беспелуга ницево не умеют; навезли картинок беспелюги; у нас фсе беспелюги таки, никто не ткёт.* Значение даётся с отсылкой к статье *беспоряха* «неряха, неаккуратная, бесхозяйственная женщина»;

(СРНГ 2: 271): *Беспелюха, беспелюга* 1. арх. «неумелая, бесхозяйственная женщина», «нерасторопная женщина»: *К нам медведицу введут, Людоедину введут. К нам не тиху введут, К нам не пряжу введут, Беспелюху введут* (свад. песня); пин. *бесислюга, ничего не умеет*; перм. «нерадивая женщина»; 2. вят. *беспелюха - неаккуратный человек, это как прозвище. У, беспелюха какая, говорит*; ср.урал. свердл. *беспелюха она и есть беспелюха: ходит, в рваной юбке, волосы нечёсаны, дважды два не сможет сосчитать*; перм. «забывчивый, неряшливый»; 3. вят. ср. урал. «бестолковый человек; разиня, рохля»: *человек плоховатый, беспечный и, пожалуй, туповатый. У беспелюхи все в руках не спорится (часто употр. как брань)»; сверд. «о человеке с какими-либо отрицательными качествами», «глуповатый, легкомысленный человек», «бестолковый»: да глуп-от де хвастат да тут родной сестрой Беспелюга где хвастат да молодой женой*; 4. арх. «нерасторопная женщина»; перм. «бестолковая женщина»;

(ОСВГ 1-2: 73): *Беспелюха* неодобр. «неряха; растяпа, бестолковый человек»: *какая беспелюха ты! Такая беспелюха, ничего не получается. Ему, беспелюхе, только и заказывать?! Беспелюхой какой стала – и не стыдно!*

(СРГК 2: 70): *Беспель, беспелюха* – 1. тих. кем. «тот, кто неловок, неумел»: *вот заставь его чего сделать, таланта не хватает, вот и беспелюха; У нас во соседка, беспель*; 2. кем «непонятливый, несообразительный человек»: *нищё не понимаешь, так и беспелюха ты*;

(СГРС 1: 108): *Беспелюха, беспелюга* арх. пин.: *беспелюга – ницево не умеет; который работать не может, лентяй – так беспелюха.*

Как видно из приведённого материала, слово представлено в некоторых архангельских, вятских, пермских, средне-уральских, а также карельских русских говорах. Реализуется в следующих лексико-семантических вариантах: 1) «неряха», 2) «неумеха, неумейка», 3) «непонятливый, бестолковый человек», общее негативно-оценочное значение в которых передаётся аффиксами *без-* и *-ух(-а)*. Однако семантика основы *-пель-* остаётся неясной, хотя, по-видимому, значение её «оценочно-положительное». Тот факт, что основа *-пель-* не зарегистрирована в качестве самостоятельного слова или в составе других дериватов ни в одном из приведённых словарей, позволяет предположить её неисконное происхождение.

Адаптация иноязычной лексики суффиксально-префиксальным способом в условиях спонтанного контактирования языков нередкое явление. Ближайшим аналогом может служить пермское слово *бессямный* «непонятливый, глупый»: да я уж сейчас бессямная стала, ничё не понимаю (СПГ: 37); «бестолковый, беспамятный»: *кака-то Надька у нас бессямая, никак я её не научу жить* (СРГЮП: 54), которое образовано от коми *сям* «толк, ум, разум, умение» таким же суффиксально-префиксальным способом, но сама основа *сям* в говорах отсутствует.

Аналогичным образом, можно предположить, что производящей основой арх. беспелюхи послужило коми слово *пельк* «аккуратный, опрятный, чистоплотный»; «ловкий, проворный»; «чистый», которое имеет широкое употребление в современном коми языке, является основой многочисленных дериватов, напр., *пельк-ёд-ны* «убирать, наводить чистоту, порядок» и т.д. (КРС 2000: 491–492).

Соответствия ему (правда, не очень ясные) имеются в других финно-угорских языках. Коми *пельк* «ловкий, опрятный» < общеперм. *pel'k* || мар. *pelkə* «чистый» | фин. *pelkkä* «чистый, без примесей» = доперм. *pel'kkä* «чистый, опрятный» (КЭСК: 219). К. Реден под вопросом реконструирует финно-волжскую основу *pel'kkä*? «rein, sauber» от ?? фин. *pelkkä* «lauter, bloss, nackt, bar, ungemischt, ungemengt; rein» (> кар. *pelkkä*) | ?? тscher. *pelke* «einschmeichelnd, zutulich, gutartig, gutmütig, bieder» | ?? syrj. *pel'k* «behend, gewandt, rein, sauber, reinlich, hübsch, nett», отмечая, что фонетическое и семантическое совпадения могут быть случайными, поэтому этимология остаётся неясной (UEW: 728). См. также (SKES 1962 *pelkkä*; SSA 1995 *pelkkä*).

Если предположить, что русское *беспелюха* связано с коми языком,

то местом формирования его нужно считать пинежские говоры, где, по мнению историков и этнографов, вплоть до середины XVII в. проживала этнографическая группа «пермян пинежских», коми население, говорившее на одном из северных диалектов (Жеребцов 1982: 39). Этот вывод напрашивается в связи с тем, что слово имеется в пинежских и других архангельских говорах, но его нет (?) в вологодских, в которых также имеется коми субстрат.

Поскольку коми слово *пельк* «чистый, аккуратный» не зафиксировано как прямое заимствование или субстратное вхождение, процесс рецепции может быть представлен следующим образом.

В условиях развитого коми-русского билингвизма коми слово *пельк* «чистый, аккуратный» попало под влияние русской деривационной модели с аффиксами *без-* и *-ух(-а)*, затем упростилось, избавившись от труднопроизносимого сочетания *-льк-* (**без-пельк-уха* > беспельуха). Дальнейшие деривационные и лексико-семантические варианты формировались по аналогии и при непосредственном влиянии диалектного слова БЕСПОРЯХА, распространённого, в основном, в тех же говорах русского Севера и Карелии. Ср.:

(СРНГ 2: 273–274): *беспоряха* арх. верхнетоем. Сев. Двин. «человек, не привыкший к порядку, опрятности; неряха»: *Стары тётки говорят: беспоряху ведут. Беспоряха, без пояса который, расстрёпанный. Цельый день без пояса ходит, беспоряха;*

(АОС 2: 15): *беспоряха* – она ничево не прибират, и себя не прибират // «ленивая, неумелая женщина, нерадивая хозяйка»: *котора узоров брать не умийет, да ткать не умийет, шйот не дильно – даг беспоряха;*

(СРГК 2: 70): онеж. «грязнуля, неряха»: *раньше-то все делали, а теперь не ткахи, не пряхи, а целые беспоряхи; соседка моя беспоряха, ленивая, даже посуду не моет; Нюрка беспоряха – беспоряхой ходит, нечёсана, немьта, да ещё платье припачкано;*

(СГРС 1: 108–109): арх. «неряха»: *она беспоряха, не хочет с себя выстирать, себя угоить, умыться, нарядиться.*

Продвигаясь по северным территориям, под влиянием русских слов с близкой структурой и значением новообразование получило дополнительные коннотации: «бесхозяйственная», «бесталанная», «не умеющая прясть, ткать», «ленивая», «неспособная», «бестолковая женщина» и т.д. Чем больше удалялось оно от зоны формирования, тем больше его значение подвергалось различным девиациям. Так, в вятских, пермских

и средне-уральских говорах слово зарегистрировано только в одном негативно-оценочном значении (кстати, трудно выводимом из коми *пельк* «чистый, аккуратный, ловкий») – «глупец, бестолковый человек»:

(СРНГ 2: 271): вят. ср.урал. «бестолковый человек»: *человек плоховатый, беспечный и, пожалуй, туповатый*; сверд. «о человеке с какими-либо отрицательными качествами», «глуповатый, легкомысленный человек», «бестолковый».

(СРГЮП: 54): *беспель* перм. Осинцево Сукс. О глупом. *Он беспель, бестолковый, у его ничё не добьёшься*; Опалихино Сукс. *беспелухий* «бестолковый»: *Докуль ты такой беспелухий? Ведь не понимаешь, чё к чему*.

Известно, что направление движения колониционных потоков русского населения в историческом освоении европейского Северо-Востока России шло с северных территорий к восточным и юго-восточным. В соответствии с этим вятские и пермские говоры формировались в значительной степени под влиянием говоров русского Севера, где уже сложились в своей основе севернорусские говоры (Долгушев 2006: 32; Полякова 1998: 16–17 и др.), в том числе, с участием финно-угорского компонента.

Интересно отметить, что слово *беспелуха* в значении «глупый человек» зарегистрировано на самом юго-востоке Пермского края – в Сарском районе. Как отмечают исследователи, бассейн Сылвы, где слово зарегистрировано только в двух населённых пунктах, начал активно осваиваться только в XVII в., при этом основу русского населения составили выходцы из северо-западных уездов России и Северного Прикамья, в прошлом пришедшие из Поморья (СРГЮП: 4–5).

Изложенная версия никоим образом не претендует на окончательное решение вопроса о происхождении русского диалектного слова *беспелуха*. Это рабочая гипотеза, требующая дополнительной верификации. Вопросы остаются, в частности, например вопрос, имеет ли отношение к этой этимологической истории прибалтийско-финский (карельский?) когнат, если да, то какое? Дальнейшая разработка этимологии предполагает тщательный анализ ареала распространения слова, процесса формирования его значений, а также современного функционирования лексемы в русских говорах.

Литература

1. Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах / Автореф. дис. д. филол. н. – М., 2006. – 37 с.
2. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982. – 224 с.
3. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959. – 123 с.
4. Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1964. f. 3–4, – К. 14 – Old. 285–315;
5. Матвеев А. К. Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах русского Севера // *Русская диалектная этимология: Труды межвуз. науч. конф.* – Свердловск, 1991. – С. 25–30.
6. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера. I. Новые данные о коми-заимствованиях в говорах Русского Севера // *Этимология 1994–1996*. – М.: Наука, 1997. – С. 125–134.
7. Мызников С. А. О некоторых финно-угорских заимствованиях в пинежских говорах / Севернорусские говоры. – 2008. № 9. – С. 46–54.
8. Мызников С. А. О лексике коми происхождения в северно-русских говорах // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования*. – СПб., Наука, 2010. – С. 297–302.
9. Мызников С. А. Многослойность лексики финно-угорского происхождения в пинежских говорах // *Северно-русские говоры*. Вып. 13. – СПб., 2014. – С. 87–95.
10. Мызников С. А. Некоторые аспекты этимологического анализа лексики коми языка // *Труды Карельского научного центра РАН*. № 3, 2014. – С. 90–98.
11. Полякова Е. Н. Формирование пермских говоров // *Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие*. – Пермь, 1998. – С. 4–30.
12. Теуш О. А. Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // *Этимология (2003-2005)*. – М., 2007. – С. 228–239.
13. Теуш О. А. Новые данные о коми заимствованиях в севернорусских диалектах // *Финно-угорское наследие в русском языке*. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. – С. 200–204.
14. Теуш О. А. Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) // *Урало-алтайские исследования*. № 1 (4), 2011. – С. 110–120.
15. Kalima J. Die Syrjänischen Lehngut im Russischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. XVIII. – Helsinki. 1927. – 1–56.

Источники

1. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: изд. МГУ. Т. 1–, 1983-
2. Даль– Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., Т. I.1981. 699 с.; Т. II.1981,779 с.; Т. III. 1982.555 с.; Т. IV.1982. 573 с.
3. Дилакт. – Словарь вологодского наречия (по рукописи П.А. Дилакторского 1902) / изд. А. И. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб. 2006. – 677 с.
4. КРС – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. – Сыктывкар: Коми кн. изд., 2000. – 815 с.
5. КЭСК – Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар, 1999. – 430 с.
6. ОСВГ – Областной словарь вятских говоров /сост. Л. И. Горева. Вып. 1-2. – Киров, 2012. – 242 с.
7. Подвыс. – Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении (I изд. 1888). – М. 2006. – 576 с.
8. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Отв. ред. О. А. Черепанова. – СПб. 1995. – 448 с.
9. СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / И. А. Подкоков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; Перм. гос. Пед. Ун-т – Пермь, 2010. – 456 с.
10. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Вып. 1. – М.; Л.; СПб., 1965.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т.1–. Санкт-Петербург, 1965.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4–х т. – М.: Прогресс, 1986. –576 с., 1986. – 671, 1987. – 831 с., 1987. – 863 с.
13. SKES – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7. (LSFU, XII). Helsinki, 1958–1981.
14. UEW – Uralisches etymologisches Wörterbuch. В. I .Uralische und finnisch–ugrische Schicht. В. II. Finnisch–permsche und finnisch–wolgaische Schicht. Ugrische Schicht / Rédei Károly. – Budapest, 1988. – 906 S.

Сокращения языков, диалектов, говоров

Арх. – архангельские говоры; вят. – вятские говоры; кар. – карельский язык; мар. – марийский язык; общеп. – общепермский праязык; перм. – пермские говоры; сев. – северные русские говоры; ср.урал. – среднеуральские говоры; фин. – финский язык.